

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
-----------------------	---

Глава 1. Историография политических кампаний поздней сталинской эпохи

1.1. Принципы изучения историографии сталинской эпохи	11
1.2. Историография периодов сталинской эпохи	12
1.3. Историография уровней обобщения	15
1.4. Историография социальных «этажей»	18
1.5. Историография «повседневной жизни»	22
1.6. Историография кампаний	25

Глава 2. Повседневность и история: методология исследования

2.1. Методологическая рамка исследования: между «большой историей» и повседневностью	30
2.2. Микроисторическая традиция и теория повседневности	35
2.3. Теория повседневности, применяемая к поздней сталинской эпохе	48

Глава 3. Социально-экономическая ситуация и повседневность Молотовской области в послевоенные годы

3.1. Заводской мир городского жителя	55
3.2. Трудовая повседневность: военный след	63
3.3. Неформальные практики в советской экономической системе и повседневности	80
3.4. Жилищные условия: от начальников до рабочих	98
3.5. Деревенская повседневность в послевоенные годы	102

Глава 4. Механизм политических кампаний

4.1. Жалобы и доносы в политических кампаниях	117
4.2. Политизация частной жизни и советский государственный патернализм	123
4.3. Советские идеологические мифы и тоталитарное сознание ...	135
4.4. Типология политических кампаний: их этапы и функции	137

Глава 5. Участие жителей Прикамья

в репрессивных идеологических кампаниях

- 5.1. «Ждановщина» и борьба с космополитами
как часть государственной политики 150
- 5.2. Первый этап кампании: идеологический посыл..... 152
- 5.3. Организационный этап и мобилизация масс 157
- 5.4. Реализация целей и задач кампании..... 164

Глава 6. Мобилизационные политические кампании

- 6.1. Выборы в Советы..... 174
- 6.2. Основные задачи избирательной кампании
и ее первый этап 175
- 6.3. Работа агитаторов и с агитаторами:
организационный этап кампании 182
- 6.4. Образ кандидата от блока коммунистов и беспартийных..... 187
- 6.5. «Единодушная поддержка блока коммунистов
и беспартийных» и «Союз недовольных»: мобилизационный
этап кампании и реакция масс 189
- 6.6. Реализация целей и задач кампании и ее результаты..... 201

- Заключение** 205

ВВЕДЕНИЕ

Изучая документы поздней сталинской эпохи, исследователь часто наталкивается на слово «кампания». Им маркировались разные явления: от уборки урожая и выборов в Верховный Совет СССР до разоблачения скрытых «врагов» и «предателей». Ход самых разнообразных кампаний активно освещался в газетах, становился предметом обсуждения на собраниях партийных организаций и трудовых коллективов, партийных и хозяйственных органов. За ходом кампаний внимательно следили органы. Иными словами, кампания в сознании людей той эпохи (как представителей номенклатуры, так и рядовых активистов) была значимым явлением. Это слово явно обозначало какие-то важные стороны властных отношений в сталинскую эпоху.

Между тем историки советского общества уделяют кампаниям немного внимания. В исторических текстах, посвященных сталинизму, сталинские кампании часто становились поводом для научного исследования, но почти никогда — предметом. В работах 1990-х годов изучение кампаний либо служило аргументом в пользу применимости концепта «тоталитаризма» как объяснительной модели для понимания проблем недалекого советского прошлого, либо их просто описывали в контексте событийной истории.

Позднее, в 2000-х годах, возобладала другая тенденция, связанная с увлечением методологией повседневности в ее разнообразных интерпретациях. В историографии этого периода делается акцент на изучение рутинных практик, устоявшихся мыслительных горизонтов, функционирования механизмов приспособления отдельных индивидов. А кампании если и рассматривались, то преимущественно как исторический фон — как нечто внешнее по отношению к предмету исследования. Если перефразировать В. Вахштайна, и в первом, и во втором случае кампании выступают в качестве «универсальной категории исторического мышления», «объясняющего фактора», а не предмета изучения¹. Изменим исследовательский фокус, сделаем политические кампании предметом изучения. Сформулируем гипотезу: в позднем

¹ См.: *Вахштайн В.* К концептуализации сообщества: еще раз о резидентальности, или работа над ошибками // Социология власти. 2013. № 3. С. 16.

сталинском обществе — в 1946—1953 гг. — политические кампании были необходимым инструментом в восстановлении старого, поколебленного войной социального порядка. Это позволит высветить еще одну сторону советской действительности, обычно остающуюся в тени, а именно: ее неустойчивый характер, латентную конфликтность, проявление партикулярных интересов различных социальных группировок. И книга, которую читатель держит в руках, написана для того, чтобы понять место и сущность политических кампаний в широком контексте бытования и функционирования советского общества накануне реформ. Понять — значит представить взаимосвязь действия властей разного уровня и стратегии поведения отдельных групп населения в ситуации системных разрывов повседневности.

Большинство авторов, работающих над историей 1940—1950-х годов, либо предпочитают нарративное описание отдельных «дел» («дело врачей», «борьба с космополитизмом» и т.д.), не обращая внимания на типологическую схожесть такого рода явлений, либо рассматривают кампании как нечто, разворачивающееся в плоскости идеологии, борьбы за власть или пресечения инакомыслия. Это отражается и в применяемой терминологии. В лучшем случае в научной литературе сегодня используется термин «идеологическая кампания», что существенно обедняет теоретический инструментарий. Кампании сводятся к разовым событиям, в основном идеологического характера, и при этом упускается возможность увидеть в них способы реализации других, более сложных функций, например мобилизации масс, консолидации советского общества, корректировки изъянов советского управления, выработки новых практик политического поведения, новой культуры. В результате такой недоработки сталинская эпоха предстает перед читателем либо как набор слабо взаимосвязанных событий, объединенных в лучшем случае волей вождя (психологизированная версия), либо как прямая иллюстрация упрощенной модели тоталитаризма, с «атомизированным» обществом, подвергающимся манипуляции, строгим порядком и т.д. (политологическая версия). Вряд ли можно признать их исчерпывающими или даже достаточными.

Пристальное изучение кампаний, особенно на низовом уровне (в городах, районах и отдельных организациях), позволяет предположить, что все политические кампании объединяет некий типовой сценарий, общий набор приемов и практик, возникаю-

щих в процессе реагирования на сигналы сверху, посылаемые как в виде прямых приказов, так и скрытых властных импульсов. Поэтому будет уместно ввести общий термин для обозначения этого явления, и самым удачным представляется термин «политическая кампания». Это, во-первых, даст возможность рассматривать различные кампании в более широком контексте, как набор дискурсов и практик, навязываемых сверху и формирующихся на местах, а во-вторых, позволит концептуализировать кампании, т.е. с помощью единого инструментария описать, сопоставить и проанализировать разные исторические события как проявление единого выработанного и несколько раз повторенного шаблона действий, имеющего единую структуру и последовательность (иными словами, придать изучению политических кампаний теоретическое измерение). Это позволит констатировать, что именно политическая кампания стала основным механизмом управления поздней сталинской эпохи, своеобразным политическим институтом.

В данной книге предполагается определить место кампаний в политической жизни послевоенного сталинского периода, классифицировать кампании, выявить универсальные этапы кампаний, рассмотреть механизм их реализации, определить функции каждого структурного элемента, проследить складывающиеся практики на примере кампаний, проходивших в Молотовской области с 1945 по 1953 г. Чтобы разобраться в региональных особенностях этих процессов, необходимо реконструировать повседневность тех лет, обыденные практики номенклатуры, партийных активистов, простых рабочих и колхозников. Кроме того, потребуется выявить особенности советского патернализма и тоталитаризма на материале реальных практик повседневности, в которой сохранялся и воспроизводился военный образ жизни.

Обобщающих теоретических исследований механизма и особенностей сталинских политических кампаний практически не существует. В работах Л. Кюзаджана², Р. Герцштейна³ рассматриваются некоторые аспекты идеологических кампаний в истории нацистской Германии и КНР. Пропаганда в средствах массовой

² Кюзаджан Л.С. Идеологические кампании в КНР 1949–1966 гг. М.: Наука: Гл. ред. восточ. литературы, 1970.

³ Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996. С. 389–452.

информации, по их мнению, является главным методом воздействия на массы. Сталинскую пропагандистскую кампанию во время Великой Отечественной войны исследует Е. Добренко⁴. О том, как протекали кампании на местах в последние годы рассматриваемой эпохи, опубликовано несколько исследований. Особо следует отметить работы Е. Гениной («Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.)»⁵), В. Гижова («Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей)»⁶), О. Лейбовича (о судах чести в Молотовской области⁷), а также исследование «дела врачей» на Урале автора данной книги⁸. Истоки «кампанейщины» в 1920-х годах описаны в работе С. Ульяновой⁹. Пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима в довоенные годы реконструировала С. Ушакова.

Выдвинем вторую гипотезу. Только в послевоенные годы политические кампании окончательно сформировались, приобрели законченный вид, рутинизировались.

В данном исследовании сделана попытка сочетать макро- и микроисторические подходы. Методология теории повседневности совместно с теорией практик дает возможность выделить в кампаниях повторяющиеся шаблоны действия, выявить общий механизм управления, обнаружить элементы «своеволия» (А. Людтке) или тактик (М. де Серто) простых людей, тем самым отводит ис-

⁴ Добренко Е. Грамматика боя — язык батарей // Волга. 1993. № 10. С. 132–149.

⁵ Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т», 2009.

⁶ Гижов В. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. <<http://www.dissercat.com/content/ideologicheskie-kampanii-1946-1953-gg-v-rossiiskoi-provintsii-po-materialam-saratovskoi-iku#ixzz2yY2C5vJD>>.

⁷ Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008.

⁸ Кимерлинг А. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Изд-во ПГИИК, 2011.

⁹ Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2006.

следователя от упрощенной схемы описания. Это позволяет понять политические кампании как процесс, конструируемый и сверху, и снизу через практику организации кампаний на уровне региона, города, предприятия вплоть до низовых практик обычных граждан.

Методология исследования подробно рассматривается в соответствующей главе данной книги.

Предмет исследования определяет выбор источников. В данной книге использованы материалы местных и центральных архивов. Наибольшее количество материалов дали Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ) и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а также Государственный архив Пермского края (ГАПК), Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

В зависимости от того, о какой стороне проведения кампании идет речь (о деятельности властей или о реакции масс), можно выделить несколько категорий материалов. Деятельность властей может быть реконструирована по архивным материалам и газетным публикациям, в которых представлены позиции тех или иных властных инстанций в том виде, в каком они формулируют ее для себя, и в том, в каком они подают ее населению.

В архиве есть справки, материалы, докладные, информации, отчеты, стенограммы пленумов, заседаний бюро обкомов, райкомов и горкомов, переписка различных властных инстанций, резолюции, письма, хранящиеся в фондах обкомов, горкомов и райкомов, документы государственных учреждений и следственных органов. Всего в ходе работы в научный оборот было введено более 500 новых документов. (Цитаты из архивных источников приводятся с сохранением орфографии и пунктуации, однако некоторые имена изменены, когда речь идет о сюжетах интимного характера.)

Идеологический элемент политической кампании исследуется через материалы газет: центральных, областных и городских. Каждая кампания исследуется не менее чем в десяти местных газетах.

Что касается реакции масс, то здесь использованы как косвенные, так и прямые источники. Среди косвенных можно отметить сводки о настроениях и высказываниях трудящихся, составля-

мые на местах, отчеты о проведенных митингах и собраниях, списки вопросов, задаваемых на собраниях. Прямыми источниками являются эго-документы (письма и дневники), а также выступления на низовых партийных собраниях, материалы разбора жалоб, объяснительные письма. Письма к власти сохранились в очень небольшом количестве, их содержание индивидуализировано, поэтому к ним нельзя применить количественный анализ. К тому же невозможно понять, по какому принципу в архиве обкома ВКП(б) Молотовской области не уничтожили именно эти письма.

В процессе исследования удалось обнаружить два дневника, хронологически относящихся к изучаемому периоду: один принадлежит рабочему молотовского завода № 19 А.И. Дмитриеву (хранится в личном фонде), второй — журналисту областной газеты «Звезда» М.Т. Данилкину.

Политические пертурбации отражаются в словарях того времени. Отдельные слова во время кампаний меняют свое значение или вовсе исчезают. В качестве источников применены в исследовании «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (М., 1934), «Словарь современного русского литературного языка» под ред. В.И. Чернышева (в 17 т. М.; Л., 1948–1965), «Словарь русского языка» (М., 1959) и т.д.

Комплексное применение сравнительного анализа, критики и систематизации источников дает возможность решить поставленные исследовательские задачи.

Данное исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0052.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ПОЗДНЕЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

История сталинской эпохи — широкое поле исследований. Когда первые историки, политологи и социологи приступали к изучению сталинской эпохи, они в силу ряда причин концентрировали свое внимание на попытках схватить суть этого периода, дать общую схему, подчеркнуть уникальность данного явления. По понятным причинам лучше всего это удавалось зарубежным исследователям, таким как Х. Арндт, К. Фридрих, Р. Конквест, поскольку в Советской России исследователи находились под воздействием идеологических ограничений. Однако нельзя говорить и о том, что западные исследования, сделанные до распада СССР, являются полностью неангажированными: общая политическая ситуация времен «холодной войны» этому не способствовала. Но их ангажированность существенно отличалась от ангажированности советской: в большинстве случаев их позиция определялась моральными оценками сталинизма, а не идеологией в чистом виде. Дело осложнялось недоступностью большинства источников, необходимых для исторических исследований. Поэтому в Советской России дело ограничивалось косвенными исследованиями (в рамках изучения «руководящей роли партии» или статистики), а на Западе — попытками концептуализации на основе скудных сведений.

Сегодня наблюдается слияние двух исследовательских традиций. После непродолжительного периода «разделения труда», когда отечественные историки в основном поставляли факты, а западные исследователи — концепции, наступает период, в котором и теоретические обобщения, и эмпирические исследования стали обязательным условием плодотворной работы.

1.1. Принципы изучения историографии сталинской эпохи

При описании историографии сталинской эпохи неизбежно возникают некоторые трудности. Прежде всего ввиду непродолжительности периода изучения этой проблемы и высокой динамики

изменения методологии истории придется отказаться от поступательной модели такого описания: концепции изучения сталинской эпохи меняются довольно быстро, и большинство авторов, работающих над этой проблемой, оказались достаточно гибкими, чтобы меняться вместе с наукой. Поэтому нельзя соотнести разные течения с каким-нибудь определенным периодом. Далее, само поле историографии может быть структурировано (точнее, разделено) по разным основаниям, что делает невозможным каждого автора отнести к одной-единственной «ячейке» историографии. Каждый автор при выборе предмета и методологии его исследования волен двигаться в любом направлении. Поэтому фамилии некоторых авторов будут встречаться в разных разделах библиографической матрицы. Наконец, попытки определить точное место каждого автора в историографии неизбежно оборачиваются упрощением, схематизацией. Я заранее приношу извинения, если кому-то из моих коллег покажется, что их труды недооценены. Меня извиняет тот факт, что я историк, а не историограф, да и существующая литература о сталинской России на сегодняшний день настолько обширна, что даже простое упоминание каждого автора, писавшего на эту тему, заняло бы десятки страниц.

Учитывая вышеизложенное, самым удобным методом конструирования поля исследований данного периода представляется выделение различных течений по нескольким векторам, или основаниям: по предпочитаемому периоду сталинской эпохи (довоенный, военный и послевоенный периоды), по степени обобщения (обобщающая историография сталинизма *vers.* историография случая), по уровню локализации в социальном пространстве (изучение верхних слоев номенклатуры, изучение «обычного человека» и изучение «подвала» сталинского общества — мира лагеря, репрессированных и депортированных), по различным сферам жизни, в качестве которых берутся институты, сферы деятельности и досуга, а иногда те или иные концепции.

1.2. Историография периодов сталинской эпохи

Прежде всего исследования сталинской эпохи можно разделить по предпочитаемым исследователями периодам. Общий обзор научной литературы показывает, что чаще всего отдельные работы посвящены одному из трех периодов правления Сталина: 1920–1930-м годам, периоду Великой Отечественной войны либо послевоенному времени вплоть до середины 1950-х годов, когда осуществляется

«выход» из сталинской эпохи. При этом основное внимание со стороны историков достается именно первому периоду. Это достаточно легко увидеть даже на примере последних опубликованных работ по политическим кампаниям, среди которых только одна (работа Е. Гениной¹) посвящена послевоенному периоду, а остальные — предвоенным годам. Большинство работ самых знаменитых историков посвящено именно 1920–1930-м годам (см.: Ш. Фицпатрик², Н. Верт³, А. Блюм, М. Меспуле⁴, А. Грациози⁵, С. Дэвис⁶). Возможно, в этом сказывается традиция перестроечных времен, когда критические публикации о сталинском правлении опирались в основном на примеры внутривластных репрессий, Большого террора, коллективизации, первых пятилеток. Возможно, 1930-е годы представляются историкам наиболее важными, поскольку именно в предвоенный период удастся наиболее точно выявить генезис режима или в связи с драматичными из-за огромного числа жертвами.

Другие периоды такими яркими не кажутся. Так, исторические исследования СССР в годы войны чаще всего относятся к жанру военной истории, и относительно небольшое число авторов (например: О. Лейбович⁷, Д. Фильцер⁸, В. Голдман⁹, В. Шаба-

¹ *Генина Е.С.* Кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т», 2009.

² *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М.: РОССПЭН, 2001.

³ *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010.

⁴ *Блюм А., Меспуле М.* Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

⁵ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

⁶ *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2011.

⁷ *Лейбович О.Л.* Антисемитские настроения в советском тылу // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 280–297.

⁸ *Фильцер Д.* Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 196–220.

⁹ *Голдман В.* Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Поли-

лин¹⁰, М. Стругова¹¹ и др.) исследуют эволюцию режима и общества в эти годы. Послевоенные годы обычно становятся объектом исследования по поводу состояния народного хозяйства¹², либо отдельных политических событий (многочисленные работы по «делу космополитов», гонениям в науке, «ленинградскому делу» и т.д., о чем будет сказано ниже), либо «холодной войны»¹³. Но представляется не менее интересным, а может быть, и более верным при исследовании сталинской эпохи уделить больше внимания как раз военным и послевоенным годам, когда сталинизм как особая форма правления сформировался в полной мере, временами проявляется его «нормальное» функционирование, если этот термин вообще применим к эпохе Сталина. Многие процессы (и политические кампании) действуют в этот период в повторяющемся режиме, когда их участниками нарабатаны собственные практики, происходит «нормализация» многих процессов. Это, в частности, видно в складывании иной, отличной от 1930-х годов социальной структуры¹⁴, в практике создания кланов и стабилизации номенклатуры¹⁵, в появлении на исторической арене нового поколения, родившегося и воспитанного при советской власти¹⁶.

тическая энциклопедия, 2014. С. 221–250; *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН, 2010.

¹⁰ *Шабалин В.* Номенклатурные сообщества советского тыла // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 267–279.

¹¹ *Стругова М.Р.* Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.

¹² *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия. М.: Ин-т российской истории РАН, 1996.

¹³ *Арнольд Ж., Берт Дж., Дадли У.* Пламя «холодной войны»: Победы, которых не было / пер. с англ. Ю. Яблокова. М.: АСТ, Люкс, 2004; *Федоров А.В.* Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М.: МОО «Информация для всех», 2010.

¹⁴ *Лейбович О.Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во Пермского ун-та — ТОО ЗУУНЦ, 1993; *Стругова М.Р.* Указ. соч.

¹⁵ *Лейбович О.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008; *Шабалин В.* Указ. соч.

¹⁶ *Отцы и дети.* Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

1.3. Историография уровней обобщения

Другим основанием выделения течений в изучении сталинского периода может стать уровень абстракции анализа. Как уже было сказано, изучение сталинского времени начиналось не с изучения архивов и не с публикации источников, а с попыток понять суть происходящего по обрывкам имеющихся сведений. Поэтому не удивительно, что первыми трудами по сталинизму стали скорее концептуальные труды, нежели эмпирические научные исследования, например работы Х. Арндт¹⁷ и Р. Конквеста¹⁸, А. Синявского¹⁹, М. Геллера²⁰, а также отечественные работы рубежа 1980–1990-х годов (Л. Баткина, А. Эткинда, З. Файнбурга и др.²¹). Общим для всех этих (да и многих других) работ следует считать поиск ответа на вопрос, остроумно сформулированный А. Синявским: можно ли пирамиду перестроить в Парфенон?²² Примечательна в этом контексте история со вторым переизданием книги Р. Конквеста «Большой террор» в 1990 г., после того, как появился доступ ко многим источникам. «Когда издатель Конквеста попросил его расширить и проверить “Большой террор”, Конквест предложил назвать новую версию книги “Я же вам говорил, чёртовы глупцы” (англ. “I Told You So, You Fucking Fools”)²³, стремясь тем самым подчеркнуть свою правоту резких оценок всего советского режима, не отделяя политику Сталина от политики Ленина.

Но и в дальнейшем, по мере разработки этой темы и появления новых материалов, количество обобщающих работ только возрастает. В них авторы делают попытки широких теоретических обобщений либо по поводу всего сталинизма (например, О. Лей-

¹⁷ *Арндт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой и др.; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.

¹⁸ *Конквест Р.* Большой террор: в 2 т. Рига: Ракстниекс, 1991.

¹⁹ *Синявский А.Д.* Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2001.

²⁰ *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: Изд-во «МИК», 1994.

²¹ Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989; *Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира: Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М.: Госполитиздат, 1991.

²² *Синявский А.Д.* Указ. соч. С. 383.

²³ *Brown A.* Scourge and Poet // The Guardian. 15 February 2003.

бович²⁴, А. Медушевский²⁵, А. Голубев²⁶), либо его отдельных, но системообразующих принципов, таких как террор (Н. Верт, Э. Эпплбаум²⁷, В. Голдман²⁸), командная экономика (П. Грегори²⁹, Е. Добренко³⁰), практики и механизмы управления (А. Блюм, М. Меспуле, С. Кордонский³¹), формируемая в обществе культура (Ш. Плаггенборг³²). Особую ценность такого рода исследования приобретают при сочетании обобщений и детальной проработки эмпирических аргументов. Тогда они позволяют задать широкий и многомерный контекст, необходимый для качественной разработки темы политических кампаний и иных явлений сталинской эпохи.

Наряду с обобщающими работами стоит упомянуть и исследования иного масштаба, посвященные локальным (по времени и месту действия) событиям. Число их огромно, поэтому не получится даже приблизительно перечислить названия и авторов. Ограничимся некоторыми примерами, имеющими непосредственное отношение к теме политических кампаний. Так, например, тема «ждановщины» так или иначе отражена в работах В. Волкова³³, В. Кутузова³⁴,

²⁴ *Лейбович О.* Реформа и модернизация...

²⁵ *Медушевский А.Н.* Сталинизм как модель // Вестник Европы. 2011. Т. XXX. С. 147–168; *Медушевский А.Н.* История сталинизма: итоги и проблемы изучения // Российская история. 2009. № 5.

²⁶ *Голубев А.В.* Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М.: ИРИ РАН, 1999.

²⁷ *Эпплбаум Э.* Гулаг. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006.

²⁸ *Голдман В.* Террор и демократия...

²⁹ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008.

³⁰ *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

³¹ *Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.

³² *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000.

³³ *Волков В.* О друзьях-товарищах, или кто и как исключал Михаила Зощенко и Анну Ахматову из Союза писателей // Новый журнал общественно-политического, литературно-художественного издания. 1991. № 6. С. 92.

³⁴ *Кутузов В.А.* А.А. Жданов и постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Новейшая история России (Modern history of Russia). 2011. № 1. С. 146–152.

В. Осоцкого³⁵, С. Сизова³⁶, С. Куняева³⁷, А. Рубашкина³⁸, Д. Бабиченко³⁹, В. Иоффе⁴⁰ и еще многих других. Тема советских выборов как способа интеграции жителей вновь присоединенных территорий в состав СССР звучит у С. Заславского⁴¹, сопротивление в ходе избирательной кампании и в день голосования, а также реакцию на него власти описывали В. Вятрович⁴², Е. Зубкова, В. Мотревич⁴³.

Феномен писем во власть и доносов нашел отражение в работах Ф.-К. Нерара⁴⁴, В. Козлова⁴⁵, С. Королева⁴⁶, А. Лившина и И. Орлова⁴⁷, В. Романовского⁴⁸ и т.д. Отдельные работы посвящены локальной специфике тех или иных явлений сталинской поры,

³⁵ *Осоцкий В.Д.* Как управляли литературой // Вопросы литературы. 1991. Апрель. С. 158–185.

³⁶ *Сизов С.Г.* К вопросу об организации кинопроката в Сибири во времена «ждановщины» // Музей и общество на пороге XXI в.: матер. всерос. науч. конф., посвящ. 120-летию Омского гос. ист.-краевед. музея. Омск: Изд-во Омского гос. ист.-краевед. музея, 1998. С. 137–138.

³⁷ *Куняев С.* Жданов: гонитель или жертва? // Завтра. 1994. № 12 (17). Март. С. 6.

³⁸ *Рубашкин А.* Ждановщина // Звезда. 2006. № 8. С. 120–142.

³⁹ *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 40-х гг. под политическим контролем ЦК. М.: Россия молодая, 1994. С. 116–147.

⁴⁰ *Иоффе В.В.* К пятидесятой годовщине постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // Звезда. 1996. № 8. С. 3.

⁴¹ *Заславский С.* Первые послевоенные выборы 10 февраля 1946 // Журнал о выборах. 2011. № 2. С. 51–57.

⁴² *Вятрович В.* Советская демократия: выборы 1946 года. <<http://ru.tsn.ua/analitika/sovetskaya-demokratiya-vyborgy-1946-goda.html>>.

⁴³ *Мотревич В.П.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. <hist.igni.urfu.ru/dais/articles/10/Motrevich.doc>.

⁴⁴ *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011.

⁴⁵ *Козлов В.* Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. № 4. С. 100–112.

⁴⁶ *Королев С.* Донос в России. Социально-философские очерки. М.: Прогресс-Мультимедиа, 1996.

⁴⁷ *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 94–104.

⁴⁸ *Романовский В.К.* Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л.: Наука, 1990. С. 54–65.

например «Спецконтингент Пермской области (1929–1953)» А. Сулова⁴⁹ и «Вишерлаг» в сборнике «Города несвободы»⁵⁰, история левой оппозиции на Урале В. Шабалина⁵¹.

Аналогичные историографические списки можно приводить едва ли не по каждой отдельной теме. Такого рода работы вносят свой важный вклад в общее дело сбора и осмысления эмпирического материала, подготавливая следующий этап более широкого исторического и даже философского обобщения.

1.4. Историография социальных «этажей»

Давно замечено, что в гуманитарных науках, в отличие от естественных, разные парадигмальные подходы сосуществуют друг с другом, представляя полноправные точки зрения на один и тот же предмет⁵². Это в полной мере справедливо и для истории. Сегодня по-прежнему сохраняется как минимум два парадигмальных подхода к истории — макро- и микроисторический (об этом подробнее в следующей главе). На первоначальном этапе изучения сталинской эпохи доминировал скорее традиционный, макроисторический взгляд, при котором предметом рассмотрения чаще всего становились действия отдельных правителей, центральных органов власти, в целом государства. С начала 1990-х годов появилось большое число работ, посвященных непосредственно И. Сталину (например, Д. Волгогонова⁵³, Р. Такера⁵⁴, С. Семанова и В. Кардашова⁵⁵, Д. Ранкур-Лаферриера⁵⁶, Ю. Жукова⁵⁷, С. Рыба-

⁴⁹ Сулов А. Б. Спецконтингент Пермской области (1929–1953). Екатеринбург; Пермь: Изд-во Уральского гос. ун-та; Пермский гос. пед. ин-т, 2003.

⁵⁰ Города несвободы: матер. науч.-практ. конф. Красновишерск, 2012.

⁵¹ Шабалин В. В. Пейзаж после битвы. Из истории левой оппозиции на Урале. Пермь: Пермский гос. тех. ун-т, 2003.

⁵² Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

⁵³ Волгогонов Д. А. Сталин. Политический портрет: в 2 т. М.: Новости, 1992.

⁵⁴ Такер Р. Сталин. История и личность. Путь к власти. 1879–1929; У власти. 1928–1941. М.: Весь мир, 2006.

⁵⁵ Семанов С. Н., Кардашов В. И. Иосиф Сталин, жизнь и наследие. М.: Новатор, 1997.

⁵⁶ Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина. М.: Прогресс-академия, 1996.

⁵⁷ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003.

са⁵⁸), другим центральным деятелям той эпохи⁵⁹, их взаимоотношениям⁶⁰, женам и детям⁶¹, быту и т.д.

Сюда же можно отнести работы, посвященные событиям сталинской эпохи, но сфокусированные на действиях центральной власти, например деятельность Сталина в процессе укрепления своей диктатуры в послевоенные годы⁶², описание «Ленинградского дела»⁶³, антисемитизма и борьбы с космополитами⁶⁴, гонений на ученых и т.д.

Такой подход сегодня уже не нуждается в развернутой критике. У него есть свои достоинства, поскольку именно в его рамках ищутся ответы по поводу мотивации поведения верховных правителей, рациональные объяснения принятия того или иного решения, проведения кампаний, политики. Хватает и недостатков: сведение всего исторического процесса к личностному фактору,

⁵⁸ Рыбас С.Ю. Сталин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2010.

⁵⁹ Берия: Конец карьеры / сост. В.Ф. Некрасов. М.: Политиздат, 1991; Брюханов Б.Б., Шошков Е.Н. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1935–1938. СПб.: Петровский фонд, 1998; Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: ТЕРРА, 2000; Карпов В.В. Генералиссимус: Историко-док. изд. Кн. 2. Калининград: Янтарный сказ, 2002; Кирилина А.А. Неизвестный Киров. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Роговин В.З. Партия расстрелянных. М.: Аргументы и факты, 1997; Чуев Ф.И. Каганович. Шепилов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999; Карпов В.В. Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999 и т.д.

⁶⁰ Медведев Р. Они окружали Сталина. М.: Изд-во политической литературы, 1990; Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М.: Россия молодая, 1993; Костырченко Г. Маленков против Жданова. Игры сталинских фаворитов // Родина. 2000. № 9. С. 85–92; Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007.

⁶¹ Васильева Л. Кремлевские жены. М.: Вагриус, 2007; Васильева Л. Дети Кремля. М.: АСТ, 1998.

⁶² Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / пер. с англ. глав 1, 2, 6 А.А. Пешкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

⁶³ Пыжиков А.В. Ленинградская группа: Путь во власти (1946–1949) // Свободная мысль. 2001. № 3. С. 89–104.

⁶⁴ Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: Права человека, 2003; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003.

отождествление процессов с идеологией, сведение истории взаимоотношений власти и общества к простой схеме «воздействие — реакция».

Однако уже к 2000-м годам в историографии сталинской эпохи наступает период, который можно охарактеризовать, как увлечение повседневностью. Доступ к архивам, причем не только центральным, но и местным, региональным, наработанные навыки среди профессиональных историков к систематической работе с источниками этой поры (что не происходит в одночасье), равно как и знакомство с новыми методологическими приемами микроистории, истории повседневности, новой культурной истории постепенно привели к созданию обширной литературы, посвященной изучению повседневности.

Очевидно, что это увлечение разворачивалось в два этапа. На первом этапе оно было спровоцировано как раз интересом к центральным фигурам сталинской эпохи, включая вождей, руководителей, военачальников, известных деятелей культуры. Публикуя и комментируя биографии известных людей, пытаясь ответить на вопросы, почему они вели себя так, а не иначе, исследователи волей-неволей приходили к необходимости использовать концепции культуры, повседневности, практик. Так, показательными работами здесь являются работы В. Антипиной «Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы»⁶⁵, Н. Лебиной и А. Чистикова «Обыватель и реформы»⁶⁶, М. Чегодаевой «Два лика времени»⁶⁷.

В работе М. Чегодаевой «Два лика времени», посвященной истории советской литературы, встречается такой образ: «Бытие советского человека проходило одновременно в трех почти не соприкасающихся плоскостях, на трех “этажах” фантастического здания, каковым являл себя Советский Союз»⁶⁸. Позднее историк О. Лейбович конкретизировал этот образ, превратив, по сути, в

⁶⁵ *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005.

⁶⁶ *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.

⁶⁷ *Чегодаева М.* Два лика времени (1939: Один год сталинской эпохи). М.: Аграф, 2001.

⁶⁸ Там же. С. 20.

методологический принцип изучения (о чем более подробно в следующих главах): мир идей (светлого будущего), мир обыденный и мир криминальный, мир ГУЛАГа. При этом он подверг сурьезной критике практику необдуманного применения термина «повседневность», уточнил научный концепт, стоящий за этой метафорой, интерпретируя его не только как «лично ориентированные практики, в наименьшей степени подверженные воздействию современной им политической и даже экономической систем», но как «осознанный, прочувствованный, понятный для современников жизненный мир», в котором «сильно связующее начало, позволяющее людям соединять в одно целое искусство, политику, нравственность и религию»⁶⁹. Такое толкование повседневности действительно приводит к впечатляющим результатам, когда методы изучения повседневности были распространены на самые разные категории людей, доказательством чему служат книги Ш. Фицпатрик⁷⁰, «Советские люди» Н. Козловой⁷¹, «В городе М» О. Лейбовича⁷², «Советская повседневность» И. Орлова⁷³, «Очерки коммунального быта» И. Утехина⁷⁴, «Послевоенное советское общество» Е. Зубковой⁷⁵, «Лагерная культура в воспоминаниях бывших заключенных» А. Кимерлинг⁷⁶ и многие другие.

⁶⁹ *Лейбович О.* Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Пермь: Мемориальный центр «Пермь-36», 2009. С. 250–264.

⁷⁰ *Фицпатрик Ш.* Указ. соч.; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. М.: РОССПЭН, 2008.

⁷¹ *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005.

⁷² *Лейбович О.* В городе М...

⁷³ *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

⁷⁴ *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.

⁷⁵ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999.

⁷⁶ *Кимерлинг А.С.* «Каждый старался выжить, откровенно говоря...»: лагерная культура в воспоминаниях бывших политзаключенных // История сталинизма. Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. М.: РОССПЭН, 2013.

1.5. **Историография «повседневной жизни»**

Влияние истории повседневности на общее поле исследований сталинизма оказалось достаточно весомым. Даже те из историков, кто оставался верен институциональному анализу, не избежали этого влияния. Постепенное накопление материала по истории повседневности, осознание того, что изучение повседневности не есть «бытописание», что оно приближает историков к более полному пониманию эпохи, делает ее описание многомерным, «насыщенным» (по терминологии К. Гирца). Это же приводит и к переструктурированию предмета исследования. Теперь исследователи все чаще уделяют внимание глубокому изучению отдельных институтов, таких как СМИ, предприятие, семья, лагерь, отдельных социальных групп — крестьянства, рабочих, номенклатуры — либо вообще отдельных элементов жизни — праздников, мифов, отдыха. Отличительной особенностью таких работ следует считать комплексное изучение одной отдельно взятой проблемы с разных сторон с привлечением как «низового» материала, так и системного анализа. Причем путь к такого рода исследованиям прокладывают в равной мере и историки повседневности, поднимаясь от частных случаев к обобщениям, и «историки институтов», опускаясь за подтверждением своих оценок происходящего до действий простого человека. В качестве примера таких исследований можно указать труды уже упоминавшихся Ш. Фицпатрик, Н. Верта, А. Блюма, О. Лейбовича, а также работы, например, П. Соломона «Советская юстиция при Сталине»⁷⁷, Д. Фильцера «Советские рабочие и поздний сталинизм»⁷⁸, сборник «Советская власть и медиа»⁷⁹, К. Кухер «Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941»⁸⁰, Г. Янковской «Искусство, деньги и политика. Художник в эпоху позднего сталинизма»⁸¹,

⁷⁷ *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008.

⁷⁸ *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. М.: РОССПЭН, 2011.

⁷⁹ Советская власть и медиа: сб. статей / под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб.: Академический Проект, 2005.

⁸⁰ *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941. М.: РОССПЭН, 2012.

⁸¹ *Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика. Художник в эпоху позднего сталинизма. Пермь, 2007.

М. О'Махоуни «Спорт в СССР»⁸², С. Дэвис «Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941»⁸³, М. Рольфа «Советские массовые праздники»⁸⁴, Т. Горяевой «Радио России»⁸⁵.

Отдельно необходимо сказать о некоторых вариациях этого направления исследований. Прежде всего о междисциплинарных исследованиях, в которых делается попытка взять в качестве отдельного предмета исследования некоторые явления культуры или духовной сферы, имеющие неожиданное и злободневное звучание. В таких работах плодотворно применяются различные концепции из смежных наук (лингвистики, философии, антропологии, социологии), но отнести их к истории повседневности все же нельзя. Скорее в таких исследованиях речь идет о трансцендентальных категориях мышления, археологии знания, мифологии культуры. Так, в работе О. Хархордина «Обличать и лицемерить» делается попытка на основе анализа дискурсов советской (в основном сталинской) эпохи выяснить, как складывалась советская личность и специфическое понимание советского коллектива⁸⁶. В сборнике «Образ врага», составленном Л. Гудковым⁸⁷, дается представление о генеалогии и бытовании одного из краеугольных образов советской пропаганды. В работе С. Бойм «Общие места: Мифология повседневной жизни»⁸⁸ проводится критический анализ мифологических представлений советской повседневности («мещанство», «быт», «русская душа»). В работе Л. Гудкова «Негативная идентичность» дается анализ условий и этапов становления идентичности советского общества⁸⁹. В рабо-

⁸² *О'Махоуни М.* Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁸³ *Дэвис С.* Указ. соч.

⁸⁴ *Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

⁸⁵ *Горяева Т.М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х — начале 1930-х годов. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000.

⁸⁶ *Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.

⁸⁷ *Образ врага* / сост. Л. Гудков; под ред. Н. Кондратова. М.: ОГИ, 2005.

⁸⁸ *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

⁸⁹ *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru